

**Очерк «Старый Валаам» в духовной эволюции
И.С. Шмелева**

В 1895 г. будущий писатель Иван Шмелев женится и со своей молодой женой отправляется в своего рода свадебное путешествие на Валаам – святое место для православных русских и прошлого века и нынешнего: «Я, юный, двадцатилетний студент, «шатнувшийся от Церкви», избрал для своей свадебной поездки - случайно или неслучайно - древнюю обитель...» [1: 88]. После поездки на Валаам он напишет свою первую книжку, «юную, наивную, немножко, пожалуй, задорную, – студент ведь был! – задержанную цензурой, - пришлось из отпечатанной книжки изъять более 30 страниц и заменить их, с поправками - написал книжку - «На скалах Валаама». Давным-давно разлетелась она по всей России. Еще перед войной не мог я найти ни одного экземпляра даже у букинистов...» [1: 88].

Родившийся в глубоко верующей семье и получивший христианское воспитание, И.С. Шмелев в студенческие годы постепенно отошел от веры: выполняя обязательные обряды, внутренне был настроен скептически. Это подтверждается его первой крупной публикацией «На скалах Валаама», описывающей поездку на Валаам. Герой-повествователь книги – легкомысленный студент, который, начитавшись Бебеля и Дарвина, иронизирует над «косностью и необразованностью» валаамских монахов, как правило, выходцев из крестьян: неслучайны поэтому те тридцать листов, изъятых цензурой. С другой стороны, душа его готова к открытию «чудесного» в жизни.

Сорок лет спустя, пережив трагические события октябрьского переворота 1917 г. и гражданской войны, воспринятых как национальная катастрофа, пережив гибель сына, находясь в вынужденной эмиграции, писатель вновь обращается к давней поездке и пишет о том сокровенном, о той неизменной «сути» Валаама, что хранил и хранит он в себе, которая в полной мере открылась на чужбине: «Он все такой же, светлый». Рассказ об этом свете духовной жизни И.С. Шмелев считает очень важным в годину испытаний, в «сумеречное время», так как дает «укрепление», подтверждает, что существуют «живые нити... от “ныне” – к прошлому», где осталась “православная Россия”. Неслучайно поэтому его стремление вновь, хотя бы мысленно, посетить Валаамский монастырь; только теперь на старые стены он смотрит новыми глазами.

Итак, «Старый Валаам» - это очерк, написанный немолодым уже писателем-изгнанником, русским православным человеком, много пере-

жившим, вспоминающим о своей далекой молодости, о своей недавно умершей жене, о людях безупречной святости. Само название очерка «Старый Валаам» символично. Оно подчеркивает, что значил Валаамский Спасо-Преображенский монастырь для православных в дореволюционной России.

Еще в конце XIX в. монастырь на острове Валаам, основанный в XII в. св. Сергием и Германом, становится местом паломничества православных русских, приходивших поклониться святым местам. Исторически складывалось, что иноческие общины поселялись на островах. Название острова давало название и святому месту, и монастырю. В 1918 г. после получения Финляндией независимости граница между нею и Советской Россией закрылась. Монастырь перешел в попечение Православной Церкви Финляндии [2: 543]. В 1920-30-е гг. Валаам вновь становится паломническим центром. Для писателей-эмигрантов этот факт обрел символическое значение: остров и православный монастырь на нем стали воплощением подлинной сущности России в противостоянии «каиновой», революционной России. И неслучайно Валаам вновь становится паломническим центром: преклонить колени перед великим прошлым своей страны, прикоснуться к ее святым тайнам отправляются русские изгнанники из Парижа и Берлина, из Белграда и Праги - основных эмигрантских центров.

Эта идея «острова-хранителя» звучала в творчестве многих писателей первой «волны» эмиграции: Б. К. Зайцев писал об Афоне и Валааме, И.С. Шмелев - о Валааме и Сергиевом Посаде, отправляются к святым местам герои произведений И.А. Бунина, А.И. Куприна, М. Алданова, А.М. Ремизова, Г. Газданова.

Итак, осенью 1935 г. И.С. Шмелев получает письмо из Советской России: «Письмо было не ко мне, а к моему собрату, с просьбой передать мне некоторые, может быть небезыңтересные для меня сведения. И правда: сведения оказались не только интересными, но - для меня - значительности великой и бодрящей» [1,88]. В этом письме воспоминание о той первой, юной книге о Валааме и рассказ о некоторых из ее героев, что с ними случилось потом: о послушнике Георгии, о двух иноках Сергии и Германе. Рассказ о письме входит в восьмую главу очерка («На пароходике по скитам. - Отклик из дали лет. - В Никоновом заливе»), которая по сути дела выполняет функцию кульминации: обстоятельства сорокалетней давности получают здесь дальнейшее развитие, мы узнаем о тех испытаниях, которые выпали инокам в их нелегком подвижническом пути. «А те два инока... За эти десятилетия, изо дня в день, несли они великое послушание, творили высокий подвиг духовного просветительства, выполняли завет Христов: «шедше убо научите

вся языки...» - «возьмите иго Мое на себе»... Крестьянские парни русские, пошли они с Валаама в далекий и дикий край и понесли туда Свет Христов. Сколько тягот и лишений приняли, жизни свои отдали Свету, стали историческими русскими подвижниками, продолжателями дела Святителей российских. И в этих подвигах и страданиях сохранили **святое**, и это **святое** в них, видимое народу. Среди мерзости духовного опустошения, какой же пример для окружающих, ободрение и упование для алчущих и жаждущих Правды. Такими жива и будет жива Россия. Таких взрастил и посылал в мир Старый Валаам» [1:91-92].

Для Шмелева это очень важное обстоятельство: Валаам - не только монастырь, не только святые места, куда приходят на богомолье, но некий общественный институт, формирующий личности подвижников, принявших на себя подвиг святителей, жизнь отдавших Свету. Поистине они - воцерковленные люди. Само слово «воцерковление» пришло из святоотеческой литературы и обозначает приближение к церкви как приближение к благодати, к высшим ценностям православного христианства. Воцерковленный человек - это некий нравственно-психологический феномен. Его мировоззренческие основы отличаются от представлений о мире простых обывателей, особенно людей скептического плана. Если вспомнить известную теорию Л.Н. Гумилева, то воцерковленный человек - это пассионарий. Воцерковленные личности часто встречаются в монашестве, но есть они и среди мирян, например, Горкин из шмелевского «Лета Господня». Такие люди, конечно, отличаются от окружающих, они особые. В чем же их особенность, необыкновенность - этот вопрос пытается разрешить в своем очерке И. С. Шмелев. Поиски ответа на этот вопрос важны прежде всего потому, что, по мнению писателя, на таких людях и держится Россия, такие люди и являются ее духовным стержнем.

Вспоминая свою поездку на Валаам в далекой юности, Шмелев воссоздает необыкновенную атмосферу, которую чувствуют все, попадая на остров и даже приближаясь к нему: «Входим в пролив, двигаемся в отвесных скалах. На них, высоко, леса. Воздух смолистый, вязкий. И - тишина. Чувствуются лесные недра. Покой. Богомольцы как бы передают охватывающие их чувства. Поют: «Свете тихий, святые-ые славы... Бессме-э-рт-ного Отца-а Небесного...» Сердце дрожит во мне. «В раю вот так-то... - слышится чей-то возглас - Лучше и быть нельзя» [1: 13]. Ощущение «как раю», возможно, и субъективно - ведь только что писатель рассказывал, с какими трудностями маленький пароходик передвигался по неудобной, бушующей Ладоге, рисовал мрачный, серо-каменистый пейзаж. На острове, таком же суровом и каменистом, - все иначе. Потому что не в пейзаже дело, он мало изменился, а в людях, живущих на Валааме. «Я

вижу слезы, блистающие глаза, новые лица, просветленные. Стискивает в груди восторгом. Какая сила, какой разливающийся восторг! И - чувствуется - какая связанность. Всех связала и всех ведет, и поднимает, и уносит это единое - эта общая песнь - признание - «Единому безгрешному». Все грешные, все одинаки, все притекаем, все приклоняемся. Такого не испытывал ни от Шниттеров, ни от Спенсеров, ни от Штраусов, ни от Шекспира даже. Я чувствую - мой народ. И какой же светлый парод, какой же добрый и благостный. Не предчувствую ничего»[1: 14].

Здесь очень важна последняя фраза. О богомолье пишет не только сам посетивший остров, но и переживший многое. Пишет изгнанник, видевший события, которые «потрясли весь мир», ставший свидетелем того, «как народ-богоносец» сделался спустя двадцать два года народом-богоборцем, утопившим Россию в крови. Как это происходило, Шмелев описывает в «Солнце мертвых». Но это будет потом.

А сейчас перед паломниками открылся особый, святой мир, с особым строгим уставом, который очень важен для сохранения в себе человека главного – для служения Богу: «Да как же мы с самым страшным врагом бороться можем, ежели волю свою не скуем? Все на приказе, все на самоусечении стоит, когда Господу служим, а он по пути ведет. Грех Адама из чего исшел? Из непослушания. Так и всякий грех на земле. Тут у нас кузница божьих деток, святых работников... во славу Господа, и для жития земного устройства. Будут времена горшие, и тогда восплачем», - ведет беседу с молодыми о. Федул [1: 44]. И опять абзац построен так, что в насыщенном информацией монологе последняя фраза делается особенно значимой - «Будут времена и горшие, и тогда восплачем. Ну, выше еще полеземте». С одной стороны, это предложение продолжить путешествие по острову, с другой - это проявление вполне жизненной мудрости: будет время - и восплачем, а сейчас надо дело делать и над собой работать, т.е. «вверх ползти».

Так входит наш герой в мир праведников и строгого устава монашеского общежития. В последующих главах даются психологически точно выписанные характеристики старцев, иноков, иеромонахов, созидающих светлую славу Валаама, и уже ушедших в мир иной - от иных могилки остались, от других святые мощи, а от третьих только память о строгой подвижнической жизни, - и о тех, кто в описываемые Шмелевым года продолжил созидание и моление на скудной северной земле. Давно нет в живых старца Назария, но по уставу его строгому живет вся монастырская братия. Вот брат Артемий, мальчишка еще, но не поддается искушению, не берет у нарушающего устав студента денег в благодарность за проведенную экскурсию: «И так все, кому ни предлагал я плату за услуги». «Уж если такое ваше желание благое, по-

ложите в монастырскую кружку, на нужды святой обители... пойдете от вашей лепты на бедных, много их к нам приходит» [1: 74].

Ключевыми для книги Шмелева являются главы, в которых рисуются образы подвижников, трудами своими украсившими остров. Это и настоятель Дамаскин, соорудивший с помощью иноков валаамский водопровод. Двадцать лет трудился над созданием прекрасного сада монах Гавриил, «землю таскал на луду плешивую, все сам насадил» [1: 62].

Шмелев подчеркивает, что всех насельников Валаамского монастыря отличает бескорыстие, достойная смиренность, стремление к созиданию. Они умеют и Богу молиться, и землю украшать. Но главное - это истинная вера в Бога, служение Ему, дающие огромные духовные силы. Они разные, под рясами у многих перекатываются могучие мужицкие плечи, но объединяет их стремление максимально воцерковиться, подвижничеством своим облагородить мир, сделать его совершеннее.

На первый взгляд, Шмелева можно обвинить в идеализации: все ли так благостно было на Валааме. Но писатель решает иную задачу, нежели создать реалистически точный в бытовых деталях образ жизни в монастыре или оплакать ушедшую Россию. Для него важно другое: указать на тех, кто способен возродить ее из пепла, боли и крови, показать примеры подвижничества и праведничества: «Пожил я - и узнал, многое узнал. И как бы хотел теперь, через десятки лет с того августовского утра, найти крепко на подвиге стоящего, отрешившегося от всего земного, благословиться. Где Россия, творившая светлых старцев, духовников народных? Есть ли они теперь, на новом Валааме? Сердце мое говорит, что есть, в необъятных родных просторах; неясные, может быть, прорастающие только в великом народе нашем. Придет время - и расцветут редкостные цветы духовные: Господний посев не истребится» [1:57].

В духовной эволюции И. Шмелева очерк «Старый Валаам» - программное произведение, в котором в художественно-публицистической форме писатель выразил свою веру в «великий народ русский», незабываемые духовные основы России и в ее возрождение: «Многое мне открылось, великое. И еще - важное. Закрыты человеческие судьбы... В трудную пору испытаний не падай духом, верь в душу человека: Господний она сосуд» [1: 58].

Библиографический список

1. *Шмелев, И.С.* Старый Валаам [Текст] / И.С. Шмелев. – М.-СПб., 1997.
2. *Зайцев, Б.К.* Собр. соч. В 2 т. Комментарии [Текст] / Б.К. Зайцев. – М., 1993. – Т.2.